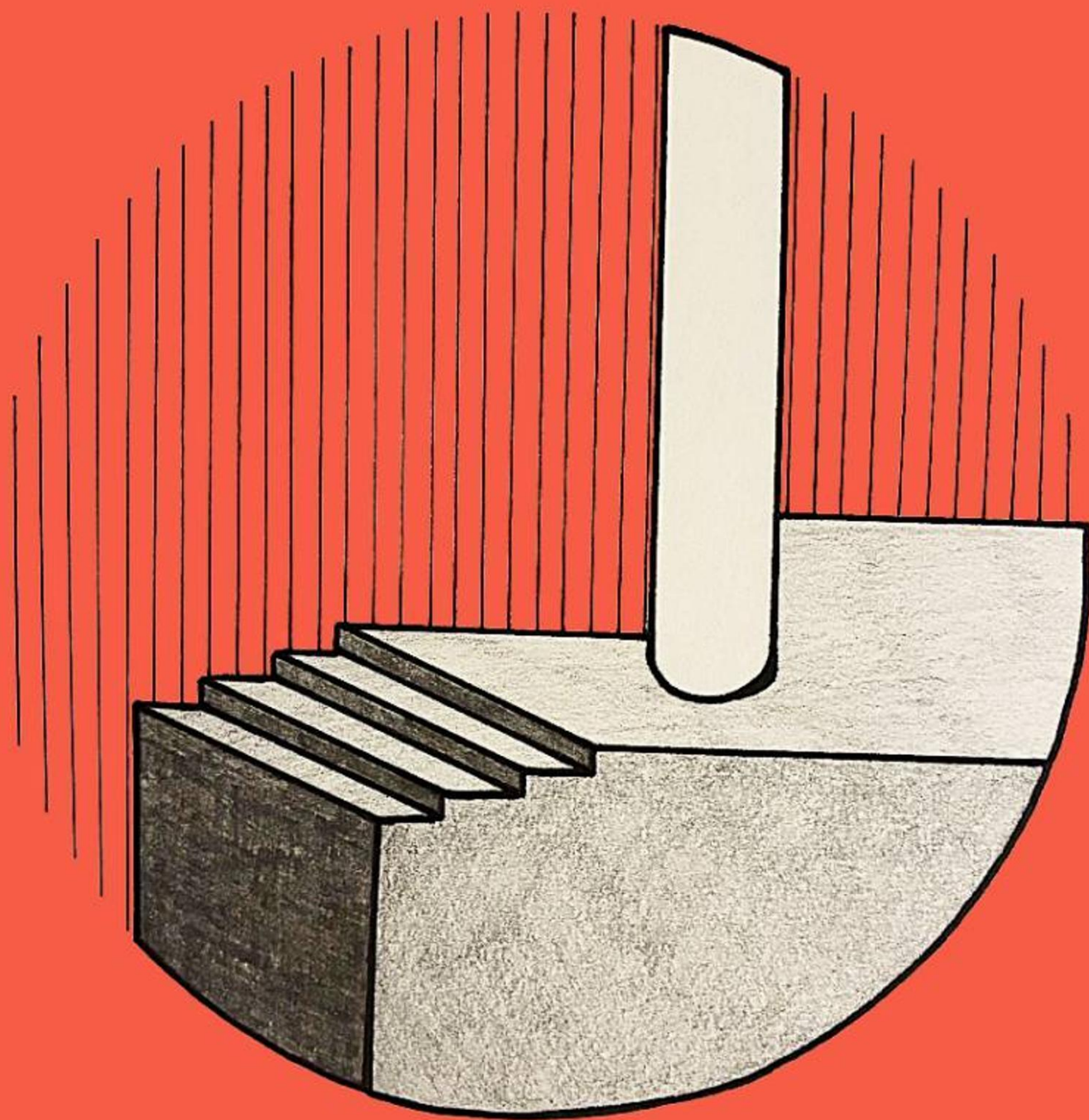

СМЕРТОНОСНЫЕ ГАДЫ

Константин Савватеев

Константин Савватеев

Смертоносные гады

«Автор»

2026

Савватеев К.

Смертоносные гады / К. Савватеев — «Автор», 2026

Главный герой, у которого нет имени, который произносит всего пару слов за все время, постоянно оказывается в какой-либо странной ситуации. Постоянное употребление алкоголя, размышление над собственной ничтожностью, а также сон только стимулируют его мистические похождения и углубление в осознании собственной ничтожности. В конце концов это приводит к всплеску переживаний, а в своих снах, которые являются как бы продолжением друг друга, он получает ответ на вопрос почему все так происходит. Но старается ли он исправиться после всего? Несомненно эта книга будет иметь продолжение, а пока что погрузитесь в череду непрерывного мистического опыта, исходящего из недр сознания героя.

© Савватеев К., 2026

© Автор, 2026

Константин Савватеев

Смертоносные гады

Предисловие

Изначально это произведение задумывалось нами, как роман в двух частях, однако после длительного перерыва в написании, а также время, проведенного в размышлениях над этой книгой, было принято решение остановиться на последней написанной XI-й главе, в конце которой наш герой просыпается. Множество из написанных глав были в конце концов либо сокращены, либо полностью убраны из данного произведения, дабы избавить читателя от излишних философствований, которые лишь косвенно касались сюжета, а потому наш рассказ остается, хотя и коротким, но содержательным. Мы предлагаем тебе, дорогой читатель, пуститься в это необыкновенное путешествие по чертогам разума нашего героя и воспринимать эту книгу, как некий аттракцион.

Глава I. Профессор

Я всегда задавался вопросом: нельзя ли каким-нибудь образом вернуться, хотя бы ненадолго в прошлое, чтобы исправить некоторые ошибки, совершенные по глупости; по незнанию; в силу каких-либо предубеждений, которые теперь уже не играют никакой роли и не имеют никакого смысла; по наивности; а также по причине дел сердечных, которые на тот момент казались чем-то очень важным, однако же теперь не только перестали быть важными, но и вовсе канули в лету, о чем вспоминать порою смешно, а иногда даже страшно и стыдно.

В то время я познакомился с одним человеком, он был профессор и доктор физико-биологических наук, изучавший влияние физических явлений на память человека. Он занимался созданием некой машины, способной проникать в самые глубочайшие слои памяти, посредством неких волн, с дальнейшим изменением отдельных фрагментов памяти, вплоть до полного их уничтожения. Эта идея показалась мне весьма интересной, так как если и нельзя было изменить прошлое, которое несомненно бы повлияло на настоящее — то хотя бы изменить его в собственной памяти, чтобы оно более не представлялось таким мрачным, каким оно представляется; или может быть даже стереть какие-то отдельные воспоминания, чтобы они более меня не тревожили и я не возвращался к ним время от времени снова и снова.

Это была уже вторая по счету его машина. Предыдущая, как мне довелось узнать из некоторых достоверных источников (о чем профессор сам предпочел бы забыть), воздействовала также на человеческий мозг, вызывая сны наяву, а так же проецировала их в пространстве. Этот эксперимент, как оказалось вызвал некоторые, так называемые «побочные эффекты», в результате которых испытуемый, добровольно согласившийся участвовать в этом эксперименте, оказался как бы «прикованным» к этой машине, вернее было бы сказать «захватил» ее всем своим разумом и в лаборатории, где эта машина в данный момент с тем самым испытуемым находится, и закрыта для посторонних. Поговаривают, там происходят довольно странные явления. А именно психо-физические проекции, вызванные в результате кооперативной работы машины и мозга испытуемого, представляют собой как бы самостоятельных существ. Вскоре после прекращения эксперимента было выявлено, что человек, находящийся в машине более не может существовать вне ее пределов, так как любая попытка «вытащить» его оттуда, обернется неминуемой гибелью для последнего; точно так же как и полное отключение сей машины грозило ему смертью. Таким образом, несчастный обречен на «вечный сон» вплоть

до своей естественной смерти. Интересно отметить тот факт, что для поддержания жизнедеятельности ему совершенно не требуется ни вода ни пища, но только лишь поддержание работоспособности машины, внутри которой он находится. Однако доподлинно неизвестно, жив ли сам испытуемый, или же он давно умер, но живет лишь только его мозг, самостоятельно генерируя эти самые образы.

В общем, данный аппарат и его «обитатель» или «мозг» в данный момент не являются темой для настоящей истории и мы вернемся к этому явлению позже. Сейчас бы я хотел рассказать, что же я пережил, приняв участие в эксперименте со второй по счету машиной, сконструированной профессором Клязьминым.

Когда я вошел, профессор сидел за столом и наливал себе вина в бокал. Увидев меня, он любезно предложил разделить с ним только что откупоренную бутылку, на что я не раздумывая согласился, ибо у меня была привычка соглашаться практически на все, что предлагают даром, тем более что это было хорошее итальянское вино; позднее на бутылке я заметил надпись «Chianti», что только подтвердило мои догадки. Выпив по бокалу, мы принялись обсуждать новое изобретение, которое уже совсем скоро должно было быть испытано. И хотя это нельзя было назвать «машиной времени», в том смысле, в котором принято это понимать, однако мне все же хотелось верить, что хотя бы частично это устройство способно называться машиной времени, на что профессор Клязьмин категорически заявил, что ни о какой «машине времени» и речи быть не может в силу довольно сложных обстоятельств, которые человечество еще не способно преодолеть.

— Понимаете, мой друг, — начал профессор, — создать машину времени, как устройство, способное переносить физическое тело из одного момента времени в другой — задача не столь сложная, сколь добиться того, чтобы это тело было, во-первых перенесено в точно такое же устройство-приемник — невозможная. Вы должны понимать, что если речь идет о подобных вещах — мы не должны забывать, что любая, так называемая «машина времени» — это в первую очередь телепорт. К нему мы вернемся вскоре. Во-вторых, все эти фантастические рассказы о машинах времени и тд и тп — это вымысел людей, ничего не смыслящих в физике. Ведь время, которое представляет собой непрерывную прямую, уходящую в бесконечность, — тут он сделал небольшую паузу, во время которой наполнил оба бокала, а затем продолжил, — непрерывную, — это слово он как бы выделил, — подчеркнем это слово, ибо время движется только в одном направлении, а также не способно останавливаться или растягиваться, гм, конечно при помощи определенных субстанций, я бы даже сказал «веществ», все же способно, но этот феномен имеет лишь характер субъективный, то есть будет восприниматься лишь отдельно взятой личностью... Так вот, учитывая движение временной кривой, я пока что говорю только лишь о временной, ибо до второй и неотделимой ее части мы дойдем чуть позже, — тут он поднял бокал и отхлебнул из него, и я последовал его примеру, отхлебнув примерно столько же, может чуть больше, — так вот о временной кривой. О чем я хотел сказать? Ай, Вы меня сбили с мысли. Ладно, перейдем к делу. Как Вы наверное уже знаете, мы все это проходили в школе, наша планета вертится вокруг Солнца. Так?

— Так, — ответил я.

— Это хорошо, что так, иначе у нас круглый год стояла бы одна и та же погода. Собственно не было бы никакого года вовсе. А может и был бы, но нам пришлось бы отсчитывать определенное количество дней, за которые бы мы условно приняли понятие «год». Может быть сто, может двести, может пятьсот. Тогда представьте себе, как бы это повлияло на наш возраст. Я не говорю о биологическом старении организма, но о той цифре, которую мы условно приняли считать за возраст. Но я не об этом. — Тут профессор поднес бокал ко рту, но остановился, и глядя прямо мне в глаза сказал: — только подумайте, сколько вам было бы сей-

час условных «лет», если бы наши пра-пра-пра-пра... и так далее вплоть до создания первого календаря, бабушки и дедушки приняли бы, к примеру тысячу, хотя нет... скорее шестьсот, учитывая двенадцатеричную систему, а также различные культурно-религиозные традиции, дней за один так называемый «год». — И он снова поднес бокал ко рту, но теперь уже осушил его до конца, что я в свою очередь и повторил.

— Мне кажется в одной из древних традиций именно так и принято было считать два года за один. Точнее два наших «сегодняшних» года за один «тогдашний». Или наоборот...

— Ну вот видите, все мы люди, во все времена, все измеряем числом двенадцать. А ведь если подумать, то число двенадцать на самом деле намного удобнее, нежели десять. Десять можно разделить на два, на пять — как результат полученной цифры... Цифры, которая получилась, если разделить пополам. А впрочем-то и все. Дальше только дроби, а это неудобно и никому неинтересно. То ли дело — двенадцать! Дюжину Вы можете разделить как и пополам, так и на три, и на четыре... Вот с делением на пять тут уже будут небольшие проблемы, хотя кому есть дело до пятерки, кроме как десятичной системе счисления. Никто никогда ничего не делил на пять. Так вот... На два, на три, на четыре, на шесть — и всем достается поровну. Поистине, двенадцать лучше, чем десять! Именно поэтому я не зря назвал условную цифру шестьсот, которых количество дней в году определяли бы наши предки, если бы Земля стояла, точнее висела, точнее находилась бы в одном месте, и на ней всегда стояла бы либо весна, либо лето, либо осень, ну и так далее, в зависимости от того, насколько близко бы она находилась по отношению к Солнцу. — Профессор хотел было отхлебнуть еще вина, но обнаружил, что его бокал, равно как мой — совершенно пуст. — Друг мой, налейте-ка нам еще по бокалу, а то Вы видите, я уже который раз сбиваюсь с мысли. Так вот, на чем я остановился. Ах, да, время. Не будем тянуть время, — профессор усмехнулся удачной шутке, — время есть неотъемлемая часть пространства. Точнее пространство есть неотъемлемая часть времени. В общем, они оба друг от друга неотъемлемы. Мы возвращаемся к телепорту. Мало просто переместить тело в пространстве. Его нужно так же переместить и во времени. К чему я вообще начал рассказывать о вращении Земли вокруг Солнца — так это к тому, что Солнце в свою очередь точно так же вращается по своей собственной орбите вокруг еще более огромной, нежели оно само звезды. То есть наша планета Земля, точно так же как и все другие планеты Солнечной Системы, проделывают как бы спиралевидный путь. И вот здесь-то заключается самая главная проблема, — он осушил бокал одним залпом, — допустим мы, ученые все-таки найдем способ как успешно перемещать тело для начала хотя бы просто в пространстве из точки А в точку Б, затем мы преодолеем порог времени и каким-то чудесным образом сумеем обгонять его, что для меня уже звучит как бред шизофреника, тем не менее остается одна ма-а-а-ленькая деталь, которую все эти писатели-фантасты не принимают, или не хотят принимать в расчет, а именно то, что... — он налил себе еще вина и снова осушил бокал одним залпом, а затем более грубым и серьезным голосом проговорил: — нам нужно знать точные координаты. Куда перемещать тело. Стоит Вам только залезть в подобную машину времени, вам зададут координаты пространства. Вы, с горем пополам, туда переместитесь. Но Вы тут же погибнете, ибо окажетесь в подвешенном виде в космическом пространстве, так как планета Земля в этот момент времени находилась совершенно в другом месте, или же, если говорить про перемещение вперед — будет находиться в другом месте. Так что, друг мой, это заранее проигрышное дело. Первый же испытуемый скончается на месте. Не находите ли вы это интересным? — И он усмехнулся.

— Если бы Вы высказали свою теорию...

— Это не теория, молодой человек, — перебил он меня, — это научный факт. Извините, продолжайте.

— Я не правильно высказался... Если бы Вы кому-нибудь, скажем «не тому» рассказали бы об этом... Об этом феномене. Об этом факте. Скорее всего заинтересованные лица пред-

ложили бы Вам, точнее, как это зачастую бывает, принудили бы Вас сотрудничать с ними и таки создать нечто подобное, для так называемой «аннигиляции».

— Я не совсем уверен, что правильно Вас понимаю, друг мой. Достаньте еще одну бутылку из шкафа, что позади Вас.

Я принес новую бутылку вина, на которой значилось «Merlot», откупорил и разлил по бокалам. Профессор и я тут же выпили полный бокал и я продолжил:

— Смертная казнь. Устранение «неугодных». Каждое правительство каждой страны с удовольствием взяло бы такое устройство на вооружение, для устранения всех тех, кто ему неугоден. Это не вызывает шума, не заставляет проливаться кровь. Хотя... организм, разлагающийся в космическом пространстве, да еще и под действием сильнейшей солнечной радиации тут же превращается в бесформенное нечто...

— Я понимаю, о чем Вы говорите. Именно по тем же соображениям я провожу во-первых все свои эксперименты исключительно в кругу доверенных лиц; во-вторых даже если мне что-то подобное и удастся... Ах, нет, забудьте. Что тут может удастся, кроме того, о чем уже было сказано? Вы правильно подметили: тело без специального защитного скафандра в открытом космосе, даже на расстоянии нескольких миллионов миль от Солнца, тем не менее подвергнется его разрушительному излучению. Что уже говорить о том, с какой скоростью вся наша Солнечная Система перемещается в этом самом космическом пространстве, не будем забывать и про инерцию, которая будет действовать на тело и «протащить» за собой это несчастное тело туда, где может быть действуют какие-то нам еще неизвестные законы физики, или же попадет под влияние какого-либо другого космического тела, будь то звезда, планета, черная дыра или что-либо еще, и с этим-то несчастным телом может произойти все что угодно. Однако да... Вы правы... Как минимум такой вот «неугодный» пропадет, исчезнет из государства, и более не будет подрывать его прекрасную, установленную нынешним диктаторским правительством, идеологию. Что же с ним «там» произойдет — это уже никого волновать не будет.

После некоторой паузы, во время которой мы прикончили бутылку, профессор встал, и пошатываясь, направился к шкафу, чтобы достать оттуда новую бутылку.

Когда он ее откупорил и разлил по бокалам — вдруг заговорил:

— Точно таким же образом дело обстоит и с машиной времени... Ах, да, я про нее уже сказал... Я хотел сказать, что даже если и получится все-таки переместить человека во времени, это вызовет определенные последствия, которые мы должны учитывать. Вы же понимаете, друг мой, что даже малейшее изменение в прошлом, которое случится неминуемо после появления в нем человека, которого там никогда не было, даже если он не станет ни к чему прикасаться, не попытается с кем-либо вступить в контакт, не сделает хотя бы даже одного шага — тем не менее это нарушит ход событий, которые могут довольно сильно повлиять на дальнейшую историю. Все может сложиться так, что этот человек даже не родится... А раз он не родился — следовательно он не смог бы переместиться во времени. А раз он не смог бы переместиться во времени — следовательно он тут же исчезнет. Испарится. Но как мы знаем, материя не исчезает бесследно. Атомы, из которых состоит вообще все, находящееся на нашей планете не исчезают просто так в никуда. Вот тут-то и заключается весь парадокс. Даже если отбросить существенную сторону вопроса, остается тем не менее еще одна проблема: каким образом он вернется обратно? Здесь уже не просто нарушаются законы физики, но даже законы элементарной логики. Как видите, друг мой, путешествия во времени это нечто не реалистичное. Фантазия. Вымысел. Тут даже не нужно быть физиком, не нужно быть ученым, чтобы

к этому прийти. Достаточно всего лишь минуту–другую пораскинуть мозгами. Немножечко напрячь серое вещество, чтобы прийти к выводу, что эта затея заранее обречена на провал.

Остаток вечера мы провели в молчании. Я размышлял о тех самых «научных фактах», которые мне привел профессор Клязьмин. Он же по-видимому размышлял о завтрашнем дне и о предстоящей подготовке своей новой экспериментальной машины, на которые я возлагал большие надежды, чем на первую его машину. Ибо если первая способна была лишь воплощать человеческие сновидения и фантазии в реальности, а особенно так называемые «осознанные сновидения», на которые я делал ставку, ибо они представляют собой сознательную фантазию в сновидении — то вторая способна была «излечить» от душевных переживаний, связанных с воспоминаниями.

Да, я хотел забыть некоторые моменты из своей жизни, а потому всей душой верил, что этот эксперимент пройдет успешно.

Глава II. Зубчатое колесо

На следующее утро, я снова пришел к профессору Клязьмину. Он трудился над своей машиной, которая вот-вот должна была быть приведена в действие. Когда я вошел, он не обратил на меня никакого внимания. Скорее бросил быстрый взгляд и, ничего не сказав, тот час же вернулся к своим заботам. «Присаживайтесь, — сказал он мне, как бы разговаривая сам с собой, — там есть чай, есть кофе, есть конфеты, — он указал рукой куда-то в сторону, но я не удосужился взглянуть в направление руки».

— Мы стоим на пороге величайшего открытия! — Вдруг повернувшись ко мне воскликнул профессор Клязьмин, — машина почти готова, и я уверяю вас, она совершенно безопасна! Да, Вы можете меня упрекнуть в том, что предыдущая моя разработка так же казалась «безопасной», однако все возможные и потенциальные изъяны я устранил. Так что теперь это не более, чем что-то среднее между электроэнцефалографом и аппаратом МРТ. Я бы с большим удовольствием сам бы лег в этот аппарат, но...

— Но...

— Но кто же тогда будет оператором? — Неуверенно спросил профессор, — может быть Вы?

— Я имею опыт работы со спиральными и магнитно-резонансными томографами, так что, если вы мне покажете, где какая программа для той или иной структуры...

— Ах, нет, друг мой, здесь все намного сложнее. Тут вам не просто срез человеческого тела в той или иной плотности, тут больше работа с мозговыми волнами.

— Опять мозговые волны? Вы же сказали, что теперь не будет больше...

— Да нет же, друг мой. Если Вы все еще пытаетесь припомнить мне тот неудачный эксперимент... Бедняга никогда больше не проснется, а мы вынуждены сожительствовать с его фантазиями... Тут немного иной принцип, чем может показаться на первый взгляд. Да... В какой-то степени вы можете увидеть знакомое Вам изображение МРТ головного мозга, понять что это за структура, есть ли там какая-либо патология. Но... Вы не биофизик... Вы даже не врач, извините за грубость. А значит будь я исследуем под вашим руководством, зайдя в определенные участки моей памяти, Вы просто не разберетесь что к чему, и Вам придется прервать процедуру, вследствие незнания, что же дальше делать.

— А, так вот оно что. То есть эти ваши «мозговые волны»...

— Да-да, именно они и составляют, как бы это выразить на Вашем языке, отдельную структуру, точнее даже не одну... Скорее это комплекс структур, внутри которых оператор

может перемещаться, опять же, если он точно знает что делает. Иначе вся работа сводится к простому МРТ головного мозга, но немного необычному.

— Вот тут я уже не особо понимаю.

— Именно поэтому, друг мой, несмышленный, я Вам и не советую преждевременно браться за подобные вещи. Если Вы очень хотите, я могу Вас с удовольствием обучить, но сейчас нам требуется как минимум один испытуемый, или Вашим языком выражаясь «пациент», коим я предлагаю быть Вам.

Майское утро, птицы кричат за окном. Кажется, они кричат начиная с самых предрассветных сумерек.

Экспериментальная машина второй разработки представляет собой что-то похожее на аппарат МРТ. Я лежу на узком жестком столе, который превышает мой рост примерно в два раза. Такие столы используются в аппаратах МРТ, хотя я в этом не уверен. По щелчку кнопки я заезжаю в длинную капсулу. Кажется в аппарате МРТ она намного короче. Надо забыть про аппарат МРТ... Это совершенно другое. Профессор Клязьмин, желая со мной разговаривать на понятном мне языке, объяснил примерный принцип работы своей установки через пресловутый аппарат МРТ, за консолью которого я не сидел уже более четырех лет...

Машина приводилась в действие колебаниями магнитов, находящихся в теле капсулы, однако эти колебания не издавали такого сильного звука, как в упомянутом мною аппарате, устройство которого было взято за основу сей машины. Я закрыл глаза и сквозь закрытые веки мне показалось нечто, похожее на сильные вспышки света. Резиновый шлем, надетый предварительно мне на голову, служил проводником к моему мозгу, вдруг начал приятно вибрировать и я почувствовал что-то вроде щекотания, расплывающееся по всей голове. Вскоре по всему телу побежали мурашки.

— Старт. Т1. Сагитталь. Т2. Жироподавляющий. — Слышалось из операторской комнаты, где находился профессор Клязьмин со своими коллегами-учеными, которые внимательно смотрели в монитор. — Теперь самое интересное, коллеги, программа для серого вещества. Я назвал ее «мягкотканная», по аналогии с аппаратом СКТ, хотя это не совсем мягкие ткани, однако я еще не нашел более подходящего слова, так как аппарат МРТ, на основе которого я сконструировал эту установку не имеет ничего подобного. Хотя... Забудьте. Вы видите сейчас то, что не увидите ни на одном обычном аппарате МРТ. Смотрите внимательно. Как вам это? Как вы думаете, что это?

— Это могут быть нейронные соединения?! — Неуверенно спросил один из ученых.

— Не совсем так, коллега, — ответил ему Клязьмин, — если внимательно присмотреться, то можно заметить несколько необычные структуры. Я полагаю, и сейчас мы в этом либо убедимся, либо мое предположение будет опровергнуто, что это ни что иное, как вместилище памяти. Мы постараемся сейчас подробнее изучить эти участки, а также воздействовать на них. Для этой цели аппарат был оснащен дополнительным инструментом. Вы удивитесь, а некоторые из вас, возможно даже сочтут меня за сумасшедшего, но я взял это из одного небезызвестного музыкального инструмента. А именно большое зубчатое колесо от органа Хаммонда.

Тут все посмотрели довольно удивленно на профессора Клязьмина, и один из ученых спросил: «Позвольте, но каким же образом простая шестеренка способна помочь проникнуть в память человеческого мозга? Ведь никому еще доподлинно не удавалось установить, где она хранится, хотя, как следует из данной картины, полученной в результате исследования, вы осмелились предположить, что эти, доселе не обнаруженные структуры таковыми являются».

— Ах, мой юный друг, простите за фамильярность, — отозвался профессор, — Вы судите чисто с технической стороны. Однако же сейчас вы убедитесь в истинности моих слов. Смотрите внимательно, — обратился он ко всем. — Сии волнообразные структуры, кои, как правильно заметил наш коллега, доселе неизвестные, способны к изменениям, которые даже этот несовершенный аппарат едва способен уловить, однако колесо, о котором я уже имел смелость упомянуть, в некоторой степени должно помочь нам, если не проследить, то хотя бы зафиксировать эти самые изменения. Что же касается самих «изменений», так это, опять же — мое предположение, которое через несколько минут будет либо подтверждено, либо опровергнуто — есть ни что иное, как память, которая подобно компьютерным вычислениям изменяется в ту или иную сторону, однако же, в отличие от компьютера, здесь было бы трудно применить двоичный код, для отслеживания этих «вычислений», так как человеческий мозг устроен намного сложнее, и память здесь, в отличии от компьютерной не поддается простому объяснению, но связана непосредственно с подсознанием, а точнее с бессознательным, которое, в некотором смысле «функционирует» независимо от того, знает ли это сам носитель этой информации, то есть головной мозг, то есть человек...

— Что Вы хотите этим сказать, профессор, — прервал его все тот же ученый, — не считаете ли Вы, что с помощью токов, продуцируемых Вашим устройством, вообще возможно «читать» такое сложное... — тут он запнулся, — такой сложный орган, как человеческий мозг, подобно книге?

— И здесь Вы снова наступаете на те же самые грабли, коллега, — ответил Клязьмин. — Колесо. Все дело в этом пресловутом колесе, о котором я уже упомянул, но Вы не дали мне закончить мысль.

— Извиняюсь. — Ответил ученый.

— Ничего. Так вот колесо. Вы же знаете как звучит орган Хаммонда? Вы же наверняка слушали одну из тех многочисленных композиций, написанных с использованием этого поистине удивительно инструмента? Вам же знакомо такое понятие, как «психоделический рок»?

— То есть Вы хотите сказать, что Вы собираетесь воздействовать на мозг испытуемого при помощи музыки? Подобные «процедуры», насколько мне известно затрагивают область парапсихологии, которая зиждется на совершенно беспочвенной основе. Не хотите ли Вы этим сказать, профессор, что Вы собрали нас здесь только для того, чтобы продемонстрировать влияние, хотя и необычное с психологической точки зрения, однако все же звуковых волн не просто на мозг человека, но на память?!

— Коллега, я Вам в третий раз уже говорю, прекратите судить все только с материальной стороны. Да, парапсихология — лженаука, однако мы здесь вовсе не собираемся ею заниматься, в чем вы уже имели смелость меня упрекнуть. Но... Не будем забывать о трансцендентном состоянии, которое пока еще никто не отменял.

— То есть Вы собираетесь ввести испытуемого в транс, как я понимаю?

— Вот тут-то Вы наконец-то попали в точку. Однако это не простой транс. Здесь скорее имеет место быть нечто вроде «гипнотического транса». Сейчас Вы сами все увидите. — Тут Клязьмин выдвинул клавиатуру и показал ее коллегам.

— Музыкальная клавиатура? Вы собираетесь играть на синтезаторе? — Усмехнулся ученый.

— Не просто «играть», а воздействовать на участки памяти, о чем я уже сказал в самом начале... — И после небольшой паузы добавил: — Сейчас Вы сами все увидите, — и, приложив пальцы к клавиатуре, воспроизвел большую терцию в первой октаве. — Заметили? Колесования... — Тут все присутствующие переглянулись. — А если мы выдержим половинную... — И профессор повторил большую терцию в той же октаве, но уже выдержав 1/2. — Волны... А если мы выдержим целую... — Подобным же движением профессор воспроизвел тот же самый аккорд.

— Извините, но... — Начал было ученый, но Клязьмин, как бы закончил его мысль:

— Но, не занимаемся ли мы здесь музыкой, вместо научного эксперимента? Я правильно понял, что Вы хотели только что сказать, коллега?

— Да... То есть нет... То есть... Я хотел сказать... Вернее уточнить...

— И я Вам сейчас же объясню, — ответил профессор. — Теперь мы приводим в действие то самое колесо, которое лежит в основе, упомянутого мною сегодня уже не раз органа Хаммонда. — И профессор переключил тумблер в активное положение. Послышался гул, издаваемый вращением зубчатого колеса. Затем профессор снова проиграл ту же самую терцию, после чего повторил ее но уже в большой октаве. — Вы видите это? А теперь запускаем аксиальное сканирование... — И Клязьмин продолжил исследование, проигрывая одновременно со сканированием моего мозга большие терции то в одной, то в другой октаве. — Коллеги, вы видите эти дуги? Вы знаете, что эти дуги означают?

Все присутствующие стали удивленно переглядываться, после чего Клязьмин переключил еще несколько тумблеров, которые регулировали различные параметры звука.

Глава III. Провал

Я начал стремительно погружаться в некоторую дрему, скорее это было необычное для меня состояние, которое мне ранее никогда не доводилось испытывать. Голос. Я услышал голос... Мое тело пару раз дернулось в плечах. Это было вызвано мышечными сокращениями, какие бывают при погружении в сон. Голос. Он назвал мое имя. Мне кажется, хотя скорее я уверен, что это был голос моей матери. Она что-то говорила мне, за что-то отчитывала. Я ушел в свою комнату, но она направилась за мной. Я смотрел в сторону окна. За окном виднелись густые заросли деревьев, сквозь которые пробивались солнечные лучи. Когда я повернулся, чтобы возразить матери на ее упреки — ее уже не было. Темнота. Резко наступила ночь. Я снова повернулся к окну, через которое проникал уже не солнечный, но лунный свет. Окно было открыто. Внизу бродил какой-то человек. Когда он повернул голову в мою сторону — мне показалось, что он настроен ко мне недружелюбно. Он тут же кинулся к окну и попытался влезть в него. Я стал кидать в него различные предметы, которые попадались мне под руку. На удивление эти предметы были довольно ценными, однако в тот момент я не задумывался об этом, и старался по-возможности помешать этому неизвестному влезть в окно. Да, это был всего лишь сон, а потому идея просто закрыть окно не пришла мне в голову, так как во сне мы не руководствуемся логикой, но скорее ведем себя подобно нашим первобытным предкам. Собственно во сне в нас и проявляются те самые архетипы, о которых писал некогда Юнг. Во сне мы руководствуемся не логикой, но инстинктами. Причем инстинктами наших далеких предков...

Вдруг зазвучала музыка. Человек этот исчез, как будто его никогда и не было. Я влез в окно... Опять же это можно объяснить первобытными инстинктами, где человек, избежавший опасности, тут же стремится навстречу этой опасности, чтобы убедиться насколько далеко она от него отдалась. Я оказался в поле, освещенном Луной. Музыка звучала не прекращаясь. Это были глубокие длинные монотонные подобные тремоло звуки. Они создавали удивительные образы: деревья, как бы вырывающиеся из-под земли прямо передо мной; птицы, которые не столько пели, сколько кричали... Проехала гужевая повозка. Кучер с длинными усами остановился, давая мне понять, что я должен забраться в телегу. Я сел на самый верх сеного стога, являвшегося грузом повозки и тогда она тронулась. Мы оказались в городе, стоял пасмурный день, но было душно, как перед грозой. Люди ходили туда-сюда. Повозка двигалась вдоль трамвайных путей. Мимо нас медленно проехал трамвай. У меня была мысль: а не прыгнуть ли мне на этой трамвай, однако мне было интересно, куда же меня привезет кучер.

Это было одно из тех немногих сновидений, где у нас есть сознательный выбор. Я остался в повозке, предпочтя сесть в трамвай сразу же, как только мне представится такая возможность.

Мы остановились у какого-то огромного сарая. Это была по-видимому конюшня. Кучер сказал мне, что я могу слезть, так как дальше мы не поедem. Я вошел в конюшню. На верхнем этаже был курятник, к которому вела приставная лестница. Я начал было забираться по этой лестнице, как меня окликнул человек, видимо владелец или работник конюшни. Он сказал, чтобы я убирался отсюда, пока он не «продырявил» меня. Очевидно он имел в виду «застрелить». Я обернулся и увидел человека в шляпе, который держал револьвер, направленный в мою сторону. Я молча сошел с лестницы и направился на выход, как мне преградила путь одна женщина, державшая в руках корзинку, она была одета по-крестьянски: длинное платье с белым фартуком и чепчик на голове. Она видимо пришла собирать яйца. Она сказала что-то вроде, мол я пришел сюда воровать яйца и тогда я услышал щелчок. Человек с револьвером нажал на курок. Послышался выстрел...

Но выстрел был произведен не в меня. В нескольких футах от меня упала та самая женщина. Корзинка с опрокинутыми и разбитыми яйцами лежала рядом с ней. Я хотел было начать их собирать, однако отказался от этой идеи, предположив, что следующий выстрел последует уже в меня. Я поспешил удалиться из сарая-конюшни.

— Вы видели, коллеги, что мы сумели добраться к подсознанию испытуемого, — заявил Клязьмин, — то что вы сейчас имели наблюдать — ни что иное, как событие из жизни одного из предков нашего, так сказать «подопытного». Да, вы можете возразить, что это всего лишь сон, и он не имеет отношение к действительности, однако здесь я возражу, и скажу, что это не просто сон, наполненный символами, но реальное событие из прошлого, относящееся к жизни одного далекого предка нашего испытуемого. — Тут профессор достал толстую папку и, открыв ее, начал листать. — Виктор ван дер Хааген, отсидел 10 лет в окружной тюрьме Ричмонда, штат Вирджиния, за убийство крестьянки в 1819 году. Как утверждал сам ван дер Хааген, он не убивал ее, но сделал это некто иной, однако, когда полиция прибыла на место преступления, он держал в руках заряженный револьвер, а на расстоянии нескольких футов от него была обнаружена убитая женщина, вышеупомянутая крестьянка.

— Это потрясающее совпадение, профессор... Точнее я бы хотел сказать открытие. Да, возможно испытуемый и «видел» во сне картину преступления глазами своего предка и мог бы подтвердить его невиновность, однако же такое «доказательство», а именно сновидение, не было бы воспринято всерьез ни одним судьей и ни одним присяжным. В конце концов прошло уже довольно много времени с тех пор — как минимум двести лет, а потому это уже не имеет смысла... Но я не о том... Какая нам разница, что делали предки испытуемого, хотя этого могло бы быть интересным с научной точки зрения, однако для подтверждения каждого подобного сюжета требуется как минимум тщательно собранное досье со всеми подробностями, что не всегда представляется возможным. Но я снова не о том... Вы обещали нам продемонстрировать доступ к памяти, точнее воспоминаниям самого испытуемого, а не его предков.

— Это еще не все, коллега, — ответил ему Клязьмин, — вы недооцениваете возможности, а также перспективы, которые открывает нам подобный эксперимент. Да, на данном этапе мы, проанализировав всего лишь сон испытуемого, пришли к выводу, что в памяти каждой отдельно взятой личности, присутствует также память, хотя и частично, всех его предков, однако это совершенно не мешает нам шаг за шагом добраться до его собственной памяти.

— Простите, но если для «достижения» участков памяти каждого испытуемого потребуется перерывать биографию вообще всех его предков за последние несколько столетий — это будет стоить колоссального количества времени, я уже не говорю о материальной стороне вопроса...

— Это вовсе необязательно. Мое устройство, как я уже сказал — несовершенно, а потому не стоит ожидать от него сразу же фантастических результатов. Уже один тот факт того, что нам удалось, хотя и в несколько искаженной форме, а именно отдельных смутных изображений увидеть, что снится испытуемому — это огромный шаг вперед. На следующем этапе... — Но Клязьмин не успел договорить, как снова был перебит уже другим ученым:

— Вот когда Вы дойдете до следующего этапа, профессор, тогда и созывайте нас. Мы здесь собрались, извините за выражение, не «мультики смотреть», кои сняты человеку, находящемуся в Вашем аппарате. Вы позвали нас с определенной целью, а именно показать, как Вы «копаетесь в памяти» человеческой, а вместо этого вы играете нам какие-то партитуры собственного сочинения, достойные уровня какого-то музыканта-самоучки и показываете, что Ваш аппарат способен посредством довольно затуманенных и нечетких изображений показывать то, что снится человеку. Извините, но Ваша предыдущая «разработка» была куда лучше, хотя с этим тоже можно поспорить, однако она давала четкие изображения, которые помимо всего прочего способны были проецироваться в пространстве в виде отдельных существ, я не скажу «людей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.